

УДК 398.2(=512.157)
DOI 10.25587/SVFU.2019.16.44310

П. В. Сивцева-Максимова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ РАКУРСЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОЛОНХО

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена повышением интереса к новым ракурсам осмысления художественных особенностей якутского эпоса – олонхо. В статье особое значение отводится признанным работам известных исследователей устного эпического наследия народа саха. Цель освещения методологии их работ – стремление выявить обоснованные научные подходы к типологической систематизации якутского эпоса на основе структурного анализа сюжетов и образов олонхо; раскрыть аргументированные идеи комплексных исследований, представленных в монографиях И. В. Пухова, Н. В. Емельянова, А. И. Решетниковой, Д. Т. Бурцева как системное углубление анализа текстов устной традиции. В этих аспектах выявляется специфика художественной основы олонхо, что обосновывается в исследованиях как представление классификации сюжетов, устоявшейся систематизации основных образов, комплексного типологического изучения единства плана эпического содержания и плана устного выражения. Основные положения исследований якутских ученых аргументируются в свете теоретических вопросов и фундаментальных проблем в работах Аристотеля, Г. Ф. В. Гегеля, А. Н. Веселовского, Е. М. Мелетинского по эстетике и поэтике словесности. Результаты исследования расширяют возможности комплексного изучения эпоса, не исключающего присутствия научных дискуссий. Перспективы комплексного исследования олонхо заключаются в том, что в этих работах раскрываются в полифоническом согласии и в функциях равенства художественные основы текстов древнего устного бытования. Это условность в отражении действительности, внутренняя завершенность целостного раскрытия идеи; оригинальность, которому нельзя научиться; уникальность, равная всеобщности; изначальная естественная адресованность слушателям, что можно приравнять художественным основам олонхо как одного из образцов самобытного эпического сказания. В статье приводятся дискуссии филологов по вопросам жанра, образов, сюжета и композиции олонхо. Раскрываются аргументированные положения и выводы исследователей по проблемам типологического и сравнительного изучения сказаний. Это вопросы структурного анализа текстов; определения значения музыкальной части олонхо и функции ритуальных описаний.

Ключевые слова: жанровая эстетика эпоса, олонхо П. А. Ойунского, семантика сюжетов, структурный анализ, эпическая обрядность, этнографический контекст, образ поэта олонхо, исполнительское мастерство, сравнительный анализ, фольклор.

Благодарности: Исследование проведено в рамках гранта РФФИ, проект № 19-012-00467 а «Источниковедческие аспекты изучения роли христианской культуры в становлении якутской письменности и литературы».

P. V. Sivtceva-Maksimova

Source studies of complex research of the olonkho

Abstract. There is an increasing interest on the creative features of the Yakut epic olonkho in current literature. The article gives special focus to acknowledged researches of distinguished scholars who studied the oral epic heritage of the Sakha people. An overview of these researchers' works and their methodology is achieved with the following goal – to single out rationalized academic approaches in the process of typological systemization of the Yakut epic based on the structural analysis of the olonkho plots and images; to explain the substantiated

СИВЦЕВА-МАКСИМОВА Прасковья Васильевна – д. филол. н., проф., директор Института А. Е. Кулаковского Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: smpv50@mail.ru

СИВЦЕВА-МАКСИМОВА Praskovia Vasilievna – Doctor of Philological Science, Prof., Director of the A. E. Kulakovsky Institute, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: smpv50@mail.ru

ideas expressed in complex research monographs by I. V. Pukhov, N. V. Emelyanov, A. P. Reshetnikova, and D. T. Burtseva as a systematic in-depth text analysis of the oral traditional art. In these aspects, there is a range of specific foundations that form the olonkho; this is explained in the research works in the form of plot classification and a fixed systemization of the main images together with a complex typological study of the unity of two planes – the epic content plane and the oral expression plane. The main dogmas of the research completed by Yakut scholars is advocated through the prism of theoretical issues and fundamental problems reflected in the works by Aristotle, H. W. F. Hegel, A. N. Veselovsky, E. M. Meletinsky on the aesthetics and poetics of oral forms of language art. Research results expand the range of possibilities of holding a complex study of epic, which does not exclude the possibility for scientific discussions. Perspectives for a complex olonkho research are in the fact that these research works reveal the creative onsets of the ancient oral art texts in a polyphonic concordance and in equal amounts. This is the conventionality in expressing the reality in its pure form, the inner completeness of a unified expression of the idea; and the originality, all of which cannot simply be taught; the uniqueness, equal to universality; the initial natural address towards the listeners, which can be equaled to the creative foundations of olonkho as one of the examples of unique epic narration forms. The article presents discussions of philologists on the issues of genre, images, plot and composition of olonkho. Revealed arguments and conclusions of researchers on the problems of typological and comparative study of legends. These are questions of structural text analysis; determining the value of the olonkho musical part and the function of ritual descriptions.

Keywords: epic genre aesthetics, olonkho by P. A. Oyunsky, plot semantics, structural analysis, epic ritualism, ethnographic context, image, olonkho poetics, mastery, comparative analysis, folklore.

Acknowledgment: The paper has been prepared by RFBR according to the research project № 19-012-00467 a “Source study aspects of the study of the role of Christian culture in the formation of the Yakut writing and literature”.

Введение

Якутская эпическая поэзия вполне объективно определяется древнейшим вариантом устного народного творчества под названием олонхо, творческая/сказительская специфика которого основывается на воспевании «абсолютного прошлого» в образах, «иерархически недостижимых для певца и слушателей». Это, поистине, то произведение, где герой «становится всем, чем он мог быть, и ... мог быть только тем, чем он стал» [1, с. 311]. Жанровая эстетика олонхо определяется особенной завершенностью мира персонажей, где вторичная (виртуальная) реальность по отношению к автору может равняться художественному воображению высшей степени. Именно эта особенность сказаний привлекала внимание членов экспедиций Русского Географического общества А. Ф. Миддендорфа, Э. К. Пекарского; политических ссыльных И. А. Худякова, В. Л. Серошевского и др. Их записи текстов якутских олонхо доказывают значимость сохранившихся в устной форме уникальных произведений словесности как особенный показатель древней культуры саха.

Основоположник якутской литературы, фольклорист, этнограф, А. Е. Кулаковский (1877-1926) в статье «Якутский язык» специально описывает эпизод из реальной жизни как вечер с олонхосутом, где раскрывается первостепенная роль исполнительского мастерства: «Сказку слушают с раннего вечера и до “предутреннего сна”, т. е. подряд 13-14 часов. ... Слушают все с затаенным дыханием, сильно увлекаясь и стараясь не проронить ни одного слова. А ведь якуты, вообще, довольно апатичный народ, с холодным темпераментом, – порождением их холодного неба... Каждый позабыл свои заботы, свое горе и унесся в волшебный, прекрасный мир чарующих грез... А сам сказочник, как истинный поэт, увлекся больше всех: у него даже глаза закрыты, чтоб окончательно отрешиться от “грешной” земли с ее злободневными дрязгами и прозой. ... Он забыл про сон, про отдых, про все на свете... В глазах слушателей сказочник совершенно преобразился: ... это какое-то сверхъестественное прекрасное существо, окруженное таинственным ореолом... Фантазия в сказках не имеет границ: она превосходит даже фантазию в арабских сказках из “1001 ночи”. Но эти достоинства блекнут перед языком сказок: язык этот поэтичен, красочен и богат своими смелыми сравнениями, приятными для якутов повторениями, образностью и обилием слов, присущих исключительно сказкам и песням» [2, с. 379-380].

Одним из ранних значительных представлений поэтики якутского эпоса является трактат П. А. Ойунского (1893-1939) «Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание». В работе автор целенаправленно разделяет текст на 47 самостоятельных частей/вопросов, относящихся

к содержанию и структуре эпического сказания якутов, и раскрывает не только этнографическое своеобразие идеи олонхо, но и указывает на частные ошибки и неточности в представлении отдельных образов эпоса в исполнениях «современных сказителей». Например, в главе «Заселение среднего мира», где представляются отдельные функции покровителей рогатого скота и конного скота, уточняются их места в иерархии миров [3, с. 133]. Работа П. А. Ойунского была опубликована в 1927 г. в сборнике трудов Общества «Саха кэскилэ» [4], что дает основание предположить об актуальности проблем, впервые поставленных в целостном исследовании эпоса носителем живых традиций сказительства. В заключении работы П. А. Ойунский делает обоснованный вывод о том, что «олонхо определило мировоззрение древнего якута; оно освещает нам и весь древний период жизни якута, его доисторию» [3, с. 194].

Таким образом, в ранних представлениях эпических сказаний самими носителями этого феномена подчеркивается исключительность олонхо и олонхосута, но в то же время присутствуют и дискуссионные моменты, связанные с особенной самобытностью устного сказания, несущего традиции древнего происхождения как представление мира и верование народа саха.

Целью данного исследования является стремление раскрыть значимость комплексного изучения структуры и образов олонхо в свете теоретических положений по эстетике и поэтике словесности в классических работах Аристотеля, Г. В. Ф. Гегеля, А. Н. Веселовского; фундаментальных исследований эпоса народов Сибири в работах Е. М. Мелетинского. Цель обосновывается тем, что в определении художественной ценности эпического повествования сказительское мастерство выступает неотделимой частью в составе содержания и жанровых параметров древних текстов устного бытования. В этом ракурсе олонхосут воспринимается разносторонним носителем и знатоком народной культуры не только как талантливый певец, но и эстет, мыслитель в духе древних мудрецов, свидетелей исконных традиций. В образах олонхо народная поэзия раскрывается в равных абсолютному представлению мира и жизни общества в художественных систематизациях сюжетов и мотивов. В этом плане устная форма бытования их содержания приравнивается показателю живой динамики этих представлений на основе национальной эстетики как части всеобщей культуры человечества.

Работа выполнена в рамках методологии проблемно-хронологической типологии в представлении работ по комплексному изучению олонхо. Системно-сопоставительные ракурсы освещения отдельных фрагментов и материалов, представленных в монографиях якутских фольклористов, основываются на выявлении традиционных проблем эпоса и научной новизны и значимости типологического, структурного анализов в комплексном изучении текстов якутских олонхо.

Комплексное исследование олонхо

Первоначальный интерес к эпосу саха со стороны участников экспедиций Русского Географического общества и политических ссыльных связывается с необычным содержанием, большим объемом устных сказаний якутов, а также их необычным названием – «олонхо», в чем и отражается его уникальная самобытность. А. Ф. Миддендорф [5], И. А. Худяков [6], В. Л. Серошевский [7], Э. К. Пекарский [8] определяют его «сказкой», при этом оговаривают обязательно, что оно близко к былинам, эпическим песням, поэмам, эпосе. Представленные в первых записях «разночтения» раскрываются в работе Д. Т. Бурцева [9], посвященной вопросам жанрового определения олонхо. Одним из доказательств он приводит интересное наблюдение И. А. Худякова: «... Когда-то во время студенчества, мне казалось невероятным, чтобы один народный певец мог знать и петь наизусть такую большую сказку, как Илиада и Одиссея, упоминая множество собственных имен, вдаваясь в подробности, не пропускающие корабельного гвоздя. Якутские сказочники сказывают стихами и песнями не менее длинные сказки и еще с более мельчайшими подробностями. ... Сами якуты иногда изумляются их длинноте» [6, с. 366]. Здесь нам следует уточнить, что данный фрагмент из работы известного русского фольклориста XIX в. цитируется (до выхода работы Д. Т. Бурцева) и во введении монографии Н. В. Емельянова «Сюжеты якутских олонхо» [10, с. 12-13].

В исследовании Д. Т. Бурцева историография споров в определении жанровых особенностей фольклорного эпоса дополняется указанием на «неправомерность» в описаниях местностей или пути богатыря искать представления конкретных географических понятий:

«Географическая локализация олонхо, очевидно, неправомерна. В якутском эпосе мифологический Средний мир ... предстает ... с гибельными мифологическими морями, с мифологическими локусами» [9, с. 7].

Главной идеей в работе современного олонховеда проходит доказательство значительности якутских сказаний как архаического эпоса, к которому «метод “конкретного историзма” не вполне корректен». Замечания Д. Т. Бурцева относительно положений, раскрывающихся в трактате П. А. Ойунского, дополняется третьим существенным наблюдением. Он не согласен с толкованием имени божества судьбы «Чыныс Хаан» как упоминание исторического Чингисхана. Свое доказательное возражение он подтверждает выводами по этому вопросу в работах якутских ученых Г. В. Ксенофонтова [11, с. 474], Н. В. Емельянова [12, с. 89], Н. К. Антонова [13, с. 121].

Ценность трактата П. А. Ойунского заключается прежде всего в том, что это – работа носителя живых динамических традиций сказительства. Исполнительское направление в истории эпоса приравнивается главным особенностям этого жанра и в исследованиях Е. М. Мелетинского. Интересно в этом плане то, что он в монографии «Происхождение героического эпоса» опирается на работы П. А. Ойунского и И. В. Пухова. В частности он приводит характеристики этой части сказаний следующим образом: «Ритмизация коснулась прежде всего, по-видимому, речей действующих лиц (в олонхо, например, каждому персонажу присущи свой стиль и мелодия), а затем – описательной части, разрастание которой свойственно героическому эпосу в отличие от сказки». Далее в монографии изустной формой эпического фольклора подтверждаются его архаические черты, в этом аспекте специально обозначается «огромная ценность» эпической культуры «тюркских народов Сибири не только для изучения истории культуры указанных народов, но и для исследования происхождения и развития самого героического эпоса» [14, с. 255-256].

Со своей стороны, мы можем предположить, что систематизация художественных особенностей и размышления о духовной значимости эпоса в трактате «Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание» [3] является началом работы П. А. Ойунского над текстом олонхо. Во-первых, текст «Нюргун Боотур Стремительный» имеет огромное значение в истории изучения эпических сказаний саха. Во-вторых, положения и выводы крупнейшего знатока мифологии получают научное продолжение и развитие в трудах И. В. Пухова – в фундаментальных исследованиях структуры и образов эпоса тюрко-монгольских народов [15] и в комментариях к тексту олонхо П. А. Ойунского [16]. Для фольклориста и литературоведа И. В. Пухова его художественное наследие представляло особо почитаемый предмет исследования. Он писал об уникальной личности поэта и доказывал, что «Нюргун Боотур Стремительный» – это классический вариант текста «одного из лучших и наиболее популярных якутских олонхо», воссозданный сказителем: «П. А. Ойунский записал свой (практиковавшийся им в живом исполнении и воспринятый в процессе живого исполнения) вариант олонхо о Ньургуне Боотуре», ... «это олонхо целиком находится в пределах традиции якутских олонхосутов и представляет собой один из вариантов народных олонхо, а не “сводный текст”, скомпонованный поэтом за столом» [17, с. 27].

Далее дается ценное для исследователей уточнение о времени работы П. А. Ойунского над текстом олонхо «Нюргун Боотур Стремительный»:

«Судя по всему, записывал он его очень быстро. Начало работы над ним точно не установлено. Первая песнь (всего песней девять) была закончена и напечатана в 1930 г., конец же работы он точно указал в конце девятой песни: “1932 г., 31 августа. Москва”. В целом, он писал это олонхо (по календарному времени) не более двух с половиной лет. В годы работы над олонхо он служил (в Якутске), учился в аспирантуре (в Москве), вел напряженную общественную, партийную и творческую работу. Поэтому для написания олонхо у него оставалось совсем мало времени. Помогало, видимо, то, что он, будучи олонхосутом, знал олонхо наизусть и быстро записывал то, что давно отложилось в памяти» [17, с. 24].

И. В. Пухов преклонялся творчеству автора классического текста олонхо, что подтверждается и в предисловии к изданию эпоса на русском языке в переводе Владимира Державина: «П. А. Ойунский знал и увлекался не только олонхо: он был крупнейшим знатоком всего

якутского фольклора. Фольклор оказал на все его творчество исключительное влияние и был той родной почвой, опираясь на которую, он взлетал к вершинам творческих достижений» [16, с. 149].

Следующее наше уточнение: сюжет и структура текста якутского сказания, составленного П. А. Ойунским, могут сопоставляться с функциональными свойствами античной словесности. В «Поэтике» Аристотеля особое внимание уделяется детальному анализу трагедии. Он выделяет такие обязательные элементы классической словесности, как фабула (*mythos*), характеры (*ethe*), речь (*lexis*), мысль (*dianoia*), зрелище (*opsis*) и музыка (*melos*) [18 с. 31-33]. В «Эстетике» Гегеля вершиной искусства доказывается классическая трагедия, которая открывает нации истоки философского осмысления жизни и общества.

В поэтике олонхо основы художественности, представленные Аристотелем как элементы классики, прослеживаются в описании трехъярусного мира и родословной богатыря *айыы*, что является фабулой (*mythos*) повествования. Динамические портреты персонажей основываются на их действиях, что раскрывает их характеры (*ethe*). Их развернутые монологи и диалоги представляют классические формы художественной речи (*lexis*). Идея олонхо (*dianoia*) основана на очищении срединного мира (по Аристотелю: катарсис); в зрелищном воспевании подвигов богатыря (*opsis*) и в раскрытии содержания в ролевом исполнении голосом (*melos*) также наблюдается присутствие обязательных деталей классической словесности.

Олонхо как произведение искусства в поэтическом представлении мифической эпохи изначально ориентировано на воспевании идеала в форме «созерцания» мира и времени. В этом плане в «Эстетике» Г. В. Ф. Гегеля искусство доказывается первичным представлением абсолютного, за ним последуют религия и высшее проявление – философия: «... У древних греков искусство было высшей формой, в которой народ представлял богов и осознавал истину. Поэты и художники стали для греков творцами их богов, то есть художники дали нации определенное представление о делах, жизни и воздействии божественного начала. Дали ей, следовательно, определенное содержание религии» [19, с. 110].

Якутский эпос характеризуется и в таких параметрах, как типизация не лишенных божественного начала образов и особая композиционная градация сюжетного действия. Поэтическая форма олонхо вполне может выступить также доказательством «архаического типа стихотворной речи», что отмечается в фундаментальном исследовании Алимжана Тиливальди как форма эпического повествования «на начальном этапе развития тюркской поэзии» [20, с. 78]. В этом плане можем привести в подтверждение особенной древней формы олонхо определение А. Е. Кулаковского о том, что «аллитерация якутских стихов более усовершенствованная, так как заключает в себе не по одной гласной или согласной, а по целому слогу и простирается не на две-три строчки, а на 10-20 строк» [2, с. 452].

Комплексной систематизации сюжетов якутского эпоса посвящаются фундаментальные исследования Н. В. Емельянова, получившие широкое признание эпосоведов России и стран СНГ. В его монографиях представляется научная классификация изложений сюжетов олонхо. Тексты эпических сказаний он делит на три основные группы: олонхо о заселении Среднего мира, олонхо о родоначальниках племени *ураангхай саха* (самоназвание якутов) и олонхо о защитниках племени *айыы*. Особую ценность представляют в работе Н. В. Емельянова примечания, где называются источники записей всех 75 сюжетов, дается их научное описание, и глоссарии, которые помогают читателю более глубоко ознакомиться с особенностями эпических текстов. Во введении он отмечает, что «олонхо хранилось и передавалось устно в течение столетий с древнейших времен до наших дней» [10, с. 5]. Также указывает, что тематика его работы «была предложена ему Г. У. Эргисом (1909-1969)» [10, с. 14].

Это убедительно подтверждает взаимосвязь значимых забот якутских фольклористов, ставших олонхо, начиная с А. Е. Кулаковского и П. А. Ойунского, главным предметом углубленного изучения. В последующих работах Н. В. Емельянова [21; 22] выявляются типология и принципы организации сюжетов олонхо более древнего происхождения, поэтика образов в контексте сюжетологии олонхо, представляющих тексты о родоначальниках племени, впервые осуществляется отдельная классификация основного типа олонхо, повествующих о защитниках племени, с представлением эволюции жанровых особенностей древних эпических сказаний.

Равным по значимости к представленным исследованиям является систематизация синкретической структуры эпических сказаний в монографии А. П. Решетниковой «Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте» [23]. В работе осуществляется структурный анализ текстов якутских олонхо в сопоставлениях с материалами обрядовой культуры, подтверждающими этнографические истоки древних верований и мифологических воззрений народа саха. В этом плане доказывается духовная значимость сюжетных мотивов и сюжетологии сказаний в целом в аргументированных сопоставлениях фактов, представляющих в художественной систематизации особенные функции нарратологических/коммуникативных феноменов олонхо.

Здесь уместно подтвердить ценность представленных ракурсов исследования А. П. Решетниковой определением принципов исторической поэтики.

Перспективными задачами изучения национальных (этнографических) истоков поэзии А. Н. Веселовский определяет «генетическое объяснение поэзии как психологического акта, определенного известными формами творчества, последовательно накапливающимися и отлагающимися в течение истории» [24, с. 83]. Далее подчеркивает, что поэзия как живой процесс, совершенствуется «в постоянной смене спроса и предложения, личного творчества и восприятия масс», и в этой смене вырабатываются ее характерные закономерности и художественные особенности [24, с. 83].

Структурный анализ текстов якутских олонхо и эвенкийских *нимнгаканов* (эпических сказаний) представляется А. П. Решетниковой в различных исследовательских аспектах, где раскрывается синкретическая природа жанра древней формы эпоса. Это, во-первых, подтверждение музыкальной основы олонхо как устного нематериального наследия. На основе того, что различные формы фольклора по своей природе представляют «музыкальную систему», типология стилей *А (дьиэрэтии)*, *В (кутуруу)*, *С (дэгэрэн)* приравнивается основному коду форм исполнения песенной части эпоса. «Постоянство, присущее стилям *А* и *В*, закрепленным за изображаемыми сакральными персонажами в мифических Верхнем и Нижнем мирах, сродни конвенциональности слова, которое раз и навсегда закреплено за определенным понятием» [23, с. 59]. Выводы исследователя подтверждаются материалами уникальных источников: нотными записями А. Ф. Миддендорфа, Л. В. Сорошевского, В. И. Иохельсона [23, с. 7-10]; классификациями напевов олонхо Ф. Г. Корнилова, Г. М. Кривошапко, С. А. Кондратьева. Представляются работы исследователя музыкального фольклора якутов Э. А. Алексеева, записи известных олонхосутов У. Г. Нохсорова, Н. П. Бурнашева на примерах многих якутских олонхо [23, с. 10-51]. В другой монографии А. П. Решетниковой анализируется исполнительская партитура олонхосута Г. Г. Колесова [25, с. 255-263].

Сюжетология олонхо представляется в динамических сопоставлениях эпической и традиционной обрядности на основе мотивов, в систематизированной форме представляющих структуру каждого отдельного текста. Следует уточнить объем практических материалов работы, представляющей тексты 87 олонхо, что сопоставляется с таким же внушительным количеством описаний обрядов и ритуалов. При этом «в их сопоставлении с этнографическими материалами» раскрывается особая художественная функция эпической обрядности в сюжетах олонхо: «Эпос не просто отражает такие реалии действительности, как традиционные обряды, но и дополняет эту знаковую систему доступными средствами» и подтверждает на этой основе «воззренческий подтекст традиционной обрядности» [23, с. 77]. В монографии раскрываются не только существенные различия, но и интересные типологические схождения, аналогии/повторы в деталях более сорока значительных мотивов олонхо и *нимнгаканов* [23, с. 68-222, 277-339].

В монографии А. П. Решетниковой наряду с тем, что впервые анализируются художественные особенности эвенкийского эпоса в сопоставлении с олонхо, систематизируются вопросы типологического изучения реликтов тотемизма в культуре тюрков и северных народностей с образами фольклора славян и европейских народов. В научно обработанном ею большом объеме этнографических и фольклорных материалов и источников получают продолжение выводы и положения исследований П. А. Ойунского, И. В. Пухова, Н. В. Емельянова.

Значимость и новизну представленных работ, что достигается разносторонним углублением комплексного анализа, представляем следующим образом. Аргументируются художественные

особенности якутских олонхо в сравнительном изучении эпосов тюрко-монгольских народов и в научных комментариях содержания и функции персонажей в олонхо П. А. Ойунского как классического типа сказаний [13; 14; 15]. В научной классификации сюжетов олонхо раскрывается масштабность содержания, глубина идеи древнего эпоса якутов [10; 21; 22]. Особенности жанра олонхо характеризуется заключающейся в нем способностью саморегулирования фольклорного текста в форме уникального художественного процесса [9]. В названных работах якутских олонхovedов представляются в убедительных доказательствах новые направления в научном изучении художественных особенностей якутского эпоса в формах структурных анализов как исследование музыки, сюжетного фонда, функции мотивов, образов олонхо, в чем раскрываются особенности устного эпического наследия якутов как живой динамической художественной системы [23; 25].

Заключение

В целом разносторонний, и в то же время систематизированный в формах единой структуры фольклорный эпос представляет собой сложный исследовательский материал, требующий от автора особенной подготовленности. В этом плане изучение олонхо основывается на дискуссиях как поиски нового (более правильного) определения тех или иных черт эпоса или сказительского искусства как формы живой традиции. В этом заключается ценность олонхо как постулата творчества, что с методологической точки зрения представляет истоки литературы, а его поэтика в процессе творчества определяется «вечно живой архаикой» (М. М. Бахтин). Перспективы комплексного исследования олонхо заключаются в том, что в этих работах раскрываются в полифоническом согласии и в функциях равенства художественные основы текстов древнего устного бытования. Это условность в отражении действительности, внутренняя завершенность целостного раскрытия идеи; оригинальность, которому нельзя научиться; уникальность, равная всеобщности; изначальная естественная адресованность слушателям.

Все указанные «законы художественности» можно определить общностью и неповторимой единичностью эпических образов олонхо, благодаря которым обеспечивается то самобытное, особенное в их сюжетах и образах, что выступает в конкретной степени гарантом признания его как направления самостоятельной духовной культуры. Комплексное исследование текстов олонхо позволяет аргументировать эволюционные показатели в сюжетах и мотивах в том плане, что в них старина отложилась в определенной степени на перспективу, потому что эпическая и мифологическая основы олонхо всегда представляли реальность творчества и были живы в реалистических фактах истории народной жизни.

Таким образом, источниковедческие ракурсы представленных исследований заключаются в научно обоснованной систематизации сюжетов олонхо в форме типологии древнего сказания; в академических комментариях его классических образов; в уточнениях жанровых определений и дискуссионных вопросов на основе функционального анализа языка описаний с выявлением коннотативного значения тропов, связанных с древней культурой *саха*; в выявлении функции эпической и традиционной обрядности, певческой основы и музыки олонхо на основе структурного анализа большого объема различных текстов якутского эпоса в сопоставлении с этнографическими и фольклорными материалами.

Литература

1. Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / Под ред. Н. Д. Тмарченко. – М.: Изд. Кулагинной, 2008. – 358 с.
2. Кулаковский А. Е. Научные труды. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 484 с.
3. Ойунский П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание // Сочинения в 7 т. Т. 7. – Якутск: Кн. изд-во, 1962. – С. 128-194.
4. Ойунский П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание // Сб. трудов исследовательского общества «Саха кэскил». Вып. 1 (4). – Якутск, 1927. – С. 98-139.
5. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. – СПб.: Типография Императорской АН, 1878. – 242 с.

6. Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. – Ленинград: Наука, 1969. – 441 с.
7. Серошевский Л. В. Якуты. Опыт этнографического исследования. Т. 1. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1896. – 720 с.
8. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. 1-3. – М.: АН СССР. 1959. – Стлб. 3858.
9. Бурцев Д. Т. Якутский эпос олонхо как жанр. – Новосибирск: Наука, 1998. – 85 с.
10. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 372 с.
11. Ксенофонтов Г. В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1937. – 416 с.
12. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. – М.: Наука, 1990. – 175 с.
13. Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Кн. Изд-во, 1971. – 176 с.
14. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – М.: «Восточная литература» РАН, 2004. – 462 с.
15. Пухов И. В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутское олонхо. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2004. – 326 с.
16. Пухов И. В. Олонхо – древний эпос якутов // Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо. Воссоздал на основе народных сказаний Платон Ойунский. Перевел на русский язык Владимир Державин. – Якутск: Кн. изд-во, 1975. – С. 411-422.
17. Пухов И. В. Олонхо – древний эпос якутов. – Якутск: Сайдам, 2013. – 48 с.
18. Аристотель. Поэтика. Риторика. – СПб.: Азбука, 2000. – 347 с.
19. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. Т. 1. – М.: Искусство, 1968. – 312 с.
20. Тиливалди Алимжан. Древнетюркский книжный стих. – Алматы: Университет имени Абая, 2002. – 228 с.
21. Емельянов Н. В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. – М.: Наука, 1983. – 248 с.
22. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о защитниках племени. – Новосибирск: Наука, 2000. – 192 с.
23. Решетникова А. П. Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте. – Якутск: Бичик, 2005. – 408 с.
24. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – М.: РОССПЭН, 2006. – 685 с.
25. Решетникова А. П. Олонхо уонна төрүт культуура: сиэр-туом, ырыа-тойук алтыһыылара. – Якутск: РИО медиа-холдинг, 2016. – 390 с. (на якутском яз.)

References

1. *Poetika. Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii* [Poetics. Dictionary of relevant terms and concepts]. Pod red. N. D. Tamarchenko. Moscow, Izd. Kulaginoi, 2008, 358 p.
2. Kulakovskii A. E. *Nauchnye trudy* [Academic works]. Yakutsk, Kn. izd-vo, 1979, 484 p.
3. Oiunskii P. A. *Yakutskaya skazka (olonkho), ee syuzhet i sodержanie* [Yakut fairy tale (olonkho), its plot and content]. In: *Sochineniya v 7 t. T. 7* [Works in 7 vol. Vol. 7]. Yakutsk, Kn. izd-vo, 1962, pp. 128-194.
4. Oiunskii P. A. *Yakutskaya skazka (olonkho), ee syuzhet i sodержanie* [Yakut fairy tale (olonkho), its plot and content]. In: *Sb. trudov issledovatel'skogo obshchestva "Sakha keskile". Vyp. 1 (4)* [Collection of works of research community "Sakha keskile". Iss. 1 (4)]. Yakutsk, 1927, pp. 98-139.
5. Middendorf A. F. *Puteshestvie na sever i vostok Sibiri. Ch. 2. Sever i vostok Sibiri v estestvenno-istoricheskoy otnoshenii* [Travel to the North and East of Siberia. Part 2. The North and East of Siberia in a natural-historical relation]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi AN, 1878, 242 p.
6. Khudyakov I. A. *Kratkoe opisaniye Verkhoyanskogo okruga* [Brief description of Verkhoyansky district]. Leningrad, Nauka, 1969, 441 p.
7. Seroshevskii L. V. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya. T. 1* [Yakuts. Experience of ethnographic research. Vol. 1]. Saint Petersburg, Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1896, 720 p.
8. Pekarskii E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka. T. 1-3*. [Dictionary of Yakut language. Vol. 1-3]. Moscow, AN SSSR, 1959, col. 3858.
9. Burtsev D. T. *Yakutskii epos olonkho kak zhanr* [Yakut epic olonkho as genre]. Novosibirsk, Nauka, 1998, 85 p.
10. Emel'yanov N. V. *Syuzhety yakutskikh olonkho* [Plots of Yakut olonkho]. Moscow, Nauka, 1980, 372 p.

11. Ksenofontov G. V. *Uraangkhai-sakhalar. Ocherki po drevnei istorii yakutov* [Uraangkhai-sakhalar. Essays on ancient history of the Yakuts]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1937, 416 p.
12. Emel'yanov N. V. *Syuzhety olonkho o rodonachal'nikakh plemeni* [Plots of olonkho about the ancestors of the tribe]. Moscow, Nauka, 1990, 175 p.
13. Antonov N. K. *Materialy po istoricheskoi leksike yakutskogo yazyka* [Materials on the historical vocabulary of the Yakut language]. Yakutsk, Kn. Izd-vo, 1971, 176 p.
14. Meletinskii E. M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa. Rannie formy i arkhaicheskie pamyatniki* [The origin of the heroic epic. Early forms and archaic monuments]. Moscow, "Vostochnaya literatura" RAN, 2004, 462 p.
15. Pukhov I. V. *Geroicheskii epos altae-sayanskikh narodov i yakutskoe olonkho* [The heroic epic of the Altai-Sayan peoples and the Yakut olonkho]. Yakutsk, IGIIPMNS SO RAN, 2004, 326 p.
16. Pukhov I. V. *Olonkho – drevnii epos yakutov* [Olonkho is the ancient epic of the Yakuts]. In: *N'urgun Bootur Stremitel'nyi. Yakutskii geroicheskii epos olonkho* [Nurgun Bootur the Swift. Yakut heroic epic olonkho]. Vossozhdal na osnove narodnykh skazanii Platon Oiunskii. Perevel na russkii yazyk Vladimir Derzhavin. Yakutsk, Kn. izd-vo, pp. 411-422.
17. Pukhov I. V. *Olonkho – drevnii epos yakutov* [Olonkho is the ancient epic of the Yakuts]. Yakutsk, Saidam, 2013, 48 p.
18. Aristotel'. *Poetika. Ritorika* [Poetics. Oratory]. Saint Petersburg, "Azbuka", 2000, 347 p.
19. Gegel' G. V. F. *Estetika. T. I* [Aesthetics. Vol. 1]. Moscow, Iskusstvo, 1968, 312 p.
20. Tilivaldi Alimzhan. *Drevnetyurkskii knizhnyi stikh* [Ancient Turkic book verse]. Almaty, Universitet imeni Abaya, 2002, 228 p.
21. Emel'yanov N. V. *Syuzhety rannikh tipov yakutskikh olonkho* [Plots of the early types of Yakut olonkho]. Moscow, Nauka, 1983, 248 p.
22. Emel'yanov N. V. *Syuzhety olonkho o zashchitnikakh plemeni* [Plots of olonkho about the defenders of the tribe]. Novosibirsk, Nauka, 2000, 192 p.
23. Reshetnikova A. P. *Fond syuzhetnykh motivov i muzyka olonkho v etnograficheskom kontekste* [Fund of plot motives and olonkho music in an ethnographic context]. Yakutsk, Bichik, 2005, 408 p.
24. Veselovskii A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historic poetics]. Moscow, ROSSPEN, 2006, 685 p.
25. Reshetnikova A. P. *Olonkho uonna tyurut kultuura: sier-tuom, yrya-toiuk altyhyylara* [Olonkho and national culture: interplay of rites and songs]. Yakutsk, RIO media-kholding, 2016, 390 p. (In Yakut lang.)